

С. В. Бурмистрова

БИБЛЕЙСКИЕ АЛЛЮЗИИ В СОВРЕМЕННОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СКАЗКИ В. Л. ЛАВРИНОЙ «ЧУДЕСНЫЕ ПЛАТЬЯ»)¹

На материале творчества кемеровской писательницы В. Л. Лавриной, значительную часть которого составляют сказки для детей, анализируются особенности функционирования библейского дискурса в современной детской словесности. Специфика литературной сказки обусловлена как особенностями индивидуально-авторской картины мира, так и кодами жанровой памяти. Характерный для большинства сказок Лавриной диапазон жанровой памяти включает не только традиции фольклорной и литературной волшебной сказки, но также христианской словесности. Духовно-нравственная проблематика сказки «Чудесные платья», сопряженная с темами любви и предательства, преступления и наказания, самопожертвования и эгоизма, подлинного и мнимого, осмысливается в контексте библейского аллюзионного плана, восходящего к ветхозаветному сюжету о царе Давиде и Урии.

Ключевые слова: детская литература, современный литературный процесс, библейский дискурс, аллюзия, мотив, сюжет, духовно-нравственная проблематика, религиозная картина мира, притча.

Одна из тенденций современного литературного процесса связана с интенсивным развитием детской литературы, значительная часть которой представлена христианской словесностью. В настоящее время православные книжные издания для детей функционируют в широком жанровом диапазоне, включающем переложения житий, рассказы, повести, сказки, мистерии и др. Актуализация христианского вектора в детской литературе обусловила формирование специальной интерпретационной модели, направленной на изучение механизмов воплощения религиозной картины мира в поэтике. Однако большинство литературоведческих исследований, посвященных детской литературе, организовано, как правило, в логике одного из двух методологических подходов, которые условно можно обозначить как педагогический и психологический [1–4]. В рамках первого специфика произведений для детей рассматривается в воспитательно-образовательном аспекте: как реализация авторских педагогических стратегий. Второй подход связан с изучением выраженных в тексте особенностей детской субкультуры, мировидения ребенка. Вместе с тем обе методологические традиции в качестве доминанты, определяющей специфическую поэтику детской литературы, утверждают категории духовно-нравственного содержания, которые могут проявляться в тексте как отражение особенностей мироощущения ребенка и (или) как модель авторской картины мира, его представлений о детской личности и принципах воспитательного воздействия на нее.

Характерный для современного общества процесс возрождения религиозных ценностей обусло-

вил интерес гуманитарной науки к исконной для традиционного типа культуры христианской модели человека и мира, христианской аксиологии, библейскому тексту. Библия, послужившая источником сюжетов для мирового искусства и ставшая основой для формирования принципов классической этики и эстетики, играет важную роль в организации поэтики современной детской литературы. Так, основу художественного мира, представленного в сказках для детей кемеровской писательницы В. Л. Лавриной (Правды), определяет этическая концепция, восходящая к библейскому дискурсу.

Литературный талант у В. Л. Лавриной проявился еще в студенческие годы. Первые стихи она начала писать в конце 1970-х гг., обучаясь на последнем курсе исторического факультета Томского государственного университета. Однако подлинное обращение к литературному творчеству и общественное признание пришло в 1990-е гг., когда была опубликована первая подборка ее стихов в журнале «Огни Кузбасса». С начала 2000-х гг. Лаврина создает ряд произведений, адресованных детскому читателю: «Диковинки», «История Кузбасса в рассказах для детей»² и др., которые получили высокую оценку и были отмечены престижными наградами.

В сказке «Чудесные платья» автор обращается к сложному спектру «взрослых» вопросов духовно-нравственного характера: любви и страсти, жертвенности и самолюбия, преданности и предательства, подлинного и мнимого. Моделирование сюжетных ситуаций, связанных с данной проблематикой, осуществляется в двух планах: конкретном,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ в рамках научного проекта № 15-14-70005 «Творчество сибирских писателей и сибирская тема в литературе XX–XXI вв. для детей и юношества».

² Последняя из перечисленных книг выдержала три издания и получила несколько наград, в том числе медаль «За веру и добро» в 2009 г., а также диплом I степени Международной выставки-ярмарки «Всекузбасский образовательный форум» (2012 г.).

бытовом и универсальном, притчевом. В качестве основных способов адаптации материала для детского восприятия Лаврина использует художественную образность, символику, хронологическую систему, лексику, а также ориентируется на механизмы читательской памяти ребенка, в которой присутствуют литературные коды, связанные прежде всего с традициями фольклорной и авторской волшебной сказки. Вместе с тем процесс художественной коммуникации с читателем в «Чудесных платьях» предполагает выход не только к традиции волшебной сказки, но также к ветхозаветному контексту, в частности к сюжету о царе Давиде и Урии.

Источником этого сюжета выступает фрагмент Второй Книги Царств, повествующий о том, как царь Давид, страстно пленившись красотой случайно увиденной им женщины по имени Вирсавия, приказал доставить ее к себе во дворец, а ее мужа – Урию Хеттеянина – отправить на войну, распорядившись в послании к военачальнику Иоаву поставить его там, где будет «самое сильное сражение», и отступить, «чтоб он был поражен и умер» [5, с. 298]. Впоследствии от союза Давида и Вирсавии родился Соломон, будущий царь израильский. Однако Давид, о котором в Библии сказано, что он был «любезен пред очами Бога», через пророка Нафана получил обличение за содеянное зло. Душевные терзания и сила покаяния царя Давида нашли отражение в пятидесятом псалме, входящем в состав написанной им «Псалтири».

Безусловно, целью автора является не интеллектуальная игра с юным читателем, построенная на узнавании интертекстуальных маркеров и аллюзий, но педагогическое воздействие, «воспитание чувств», осуществляемое на основе христианской этики. При этом, как и полагается по законам жанра, авторская рефлексия о законах нравственного воспитания представлена в тексте не в форме сухой абстракции, но выражена с помощью художественного языка: через сюжетные ситуации и мотивы, а также хронологическую организацию, образность и др.

Так, сложившийся в отношениях героини сказки, девушки Амелии, с кавалером Еремеем и королевичем Георгием любовный треугольник разрушается с помощью мотива гибели Еремея на войне. Наследник престола волшебной страны Таврской, пленившись красотой Амелии, отдал приказ отправить ее жениха, благородного кавалера Еремея, на поле боя. Мотив гибели жениха из-за невесты в ситуации любовного треугольника, часто встречающийся в фольклорных источниках, сопровождается в сказке Лавриной библейским аллюзионным планом, восходящим к сюжету о царе Давиде и Урии. В частности, писательница использует мотив «тайного послания», в ко-

тором сообщается о подлинном намерении царственной особы с помощью войны уничтожить соперника: «Сразу же вслед за Еремеем из дворца выехал черный всадник с тайным письмом его величества. <...> Черный всадник в широком развивающемся плаще напоминал летящего ворона. <...> Очень скоро Амелии пришло сообщение о том, что ее жених, доблестный кавалер Еремей, убит на войне при выполнении опасного задания» [6, с. 57].

Индивидуально-авторское осмысление сюжета о Давиде и Урии выражается в сказке смещением акцента с образа царя на образ героини, поведение и мысли которой, ее роль в любовной коллизии мотивирует развитие действия. Если в Библии идея расправы с соперником с помощью войны исходит от царя, то в сказке Лавриной инициатором трагического варианта разрешения любовного треугольника становится героиня. Именно Амелия, очарованная дворцовым блеском и вниманием к себе со стороны королевича Георгия, подсказывает ему коварный способ избавления от ставшего лишним Еремея.

Данный момент становится кульминационным в развитии психологического сюжета, раскрывающего этапы духовной деградации героини. Автору важно показать, что любое нравственное преступление, в том числе то, которое совершает героиня, имеет «обоюдоострый» характер, т. е. направлено не только на окружающих, но и на саму преступную личность. Так, совершенное Амелией предательство, результатом которого стала гибель кавалера Еремея и несбывшиеся надежды царевича Георгия, оказывают разрушительное действие прежде всего на душу самой героини, о чем она, однако, не подозревает.

Нравственно-психологический сюжет сказки определяется внутренней эволюцией героини и предполагает движение по следующей схеме: от помыслов к словам и поступкам. Анализируя развитие психологического действия, следует обратить внимание на его номинативное содержание. Так, семантика имен главных героев сказки соотносится с их духовно-нравственной ориентацией. Имя кавалера Еремея восходит к имени ветхозаветного пророка Иереми и в буквальном переводе означает «возвышенный Богом». По контрасту с духовной доминантой имени Еремеем соотносится имя царевича Георгия, означающего в переводе с греческого «возделывающий землю», «земледелец». Ситуация любовного треугольника предполагает возможность выбора у героини между двумя мужчинами. В символическом аспекте выбор Амелии в пользу Георгия является самоопределением и характеристикой ее духовной деградации.

Выраженные в тексте механизмы развития внутреннего действия акцентируют в авторской рефлексии о законах духовной жизни доминанту христианской антропологии, постулирующей иерархичность и взаимообусловленность трех составляющих личности человека: духовного, душевного и телесного. Следствием этого триединства становится нравственный детерминизм, предполагающий зависимость поведения человека, внешнее течение его жизни от состояния его душевного мира.

Тема воспитания души, определяющая концепцию произведения, подчеркивается инициальным статусом ключевых событий. Уже в начале повествования предельно четко обозначен возраст героини: «Ровно полгода осталось до совершеннолетия юной красавицы Амелии». Указание на возраст является одной из косвенных характеристик героини, призванной создать образ сформировавшейся личности с определенными ценностными ориентирами. Достижение героиней совершеннолетнего возраста сопровождается обрядовым событием – представлением царице Таврской. «Всех дворянских детей, которым исполнялось шестнадцать лет, каждый год в одно и то же время привозили со всего царства ко двору государыни и представляли их лично ее высочеству. Такой порядок был заведен с давних пор. При дворе устраивался пышный праздник первого знакомства, который длился три дня. Его называли еще праздником вишневого стола». Подробное описание праздничного события необходимо автору для создания контрастной ситуации: «роскошный праздник», который сопровождался «пышным обедом» и «завершался грандиозным балом», вызывает не радость, а печаль в душе героини [6, с. 50–52].

Душевное состояние Амелии становится точкой отсчета для развития двух линий сюжета: внутреннего, психологического и внешнего, событийного. Грусть и тоска героини вызваны мыслями о неизбежности унижения на предстоящем празднике вишневого стола, так как ее родители бедны и не смогут подготовить ей три платья, в которых она смогла бы достойно предстать перед царским двором. При этом автор вводит пояснения, которые оправдывают героиню. Ее сугубая сосредоточенность на вопросах внешней репрезентации вызвана тем, что успешность человека, представление о его личности определяются в сказочной стране через категории вещного мира, а идея развития замещается внешними переменами, сменой костюма. Царица Таврская «необыкновенно любила наряжаться и без конца менять наряды», чтобы «каждую минуту выглядеть по-новому» [6, с. 51]. Однако смягчающие обстоятельства не могут полностью оправдать героиню, так как автор дает ей возможность выбора. Мотив свободы выбора, которой

обладает личность, подчеркивается сопоставлением образа Амелии с образом ее жениха – «благородного Еремея». Еремей, также как Амелия, принадлежал к обедневшему дворянскому роду. Однако в отличие от своей невесты он не испытывал страданий от материальных лишений, т. е. внешние факторы бытия не определяют процессы его внутренней жизни, в том числе самоидентификации. Более того, он пожертвовал всем своим состоянием – небольшим родовым замком, чтобы приобрести для возлюбленной «чудесные платья», в которых она предстанет на дворцовом празднике и с помощью которых обратит на себя внимание королевы и наследника престола.

Мотивы передевания костюма, праздника с заданным сценарием вводят в текст тему подлинного и мнимого. Тема истинного и призрачного сопрягается в сказке с темой любви. В авторской аксиологии настоящая любовь всегда носит жертвенный характер и предполагает отречение от своего я ради другого, что парадоксальным образом не разрушает я, но сохраняет его через обретение в едином мы. Именно такую любовь переживает кавалер Еремей: ради возлюбленной он отдал не только все свое состояние, но и собственную жизнь. Напротив, чувство Амелии, которое она испытывает к Еремею, а затем к королевичу Георгию и называет любовью, определяется в этической концепции произведения как самолюбие.

Духовное неведение, неспособность отличить подлинное от мнимого становятся следствием тех страстей, которые зрели в душе героини – гордыни, тщеславия, эгоизма – и которые привели сначала к тоске и печали, а затем к преступному деянию. Героиня оказывается не в состоянии увидеть подлинное сокровище – чистую и искреннюю любовь Еремея, символическим выражением которой являются сотканые из воздуха и солнечного света чудесные платья. Ради временного материального блага она отказалась от подлинной ценности – любви Еремея. Апогей нравственного падения героини подчеркивается мотивом крови, который усиливается в финале сказки с помощью символики цвета. Автор показывает, что преступная мысль об убийстве Еремея, подсказанная Амелией во время танца королевичу Георгию, постепенно разрушает девушку, погружая ее душу в адское пламя. Так, первый намек на преступление сопровождается комментарием, что алое платье Амелии, сотканное из «вечерней розовой зари, приобрело в этот миг красноватый оттенок»; а когда коварный сговор совершился и героиня после танца с Георгием вернулась к Еремею, ее «платье горело кроваво-красным цветом». После гибели Еремея «наряд, сотканный из вечерней розовой зари, превратился в капли крови» [6, с. 57].

Тема преступления и наказания осмысливается автором в контексте христианской этики и подразумевает ситуацию покаяния, искупления греха ради спасения души в вечности. При этом земное наказание имеет временный и поучительный характер. Семантика слова «наказать» соотносится в христианстве со значением «показать, указать, научить», что также подчеркивается этимологией глагола. В финале сказки героине приоткрывается понимание

ложности ее нравственного выбора, обусловившего ее настоящее положение. Амелия лишилась молодости и красоты, богатства и надежды на счастье; ее тело сделалось согбенным от тяжести вериг, в которые превратилось свадебное платье. Однако все внешние атрибуты наказания (вериги, капли крови и др.) имеют целью сподвигнуть Амелию к покаянию и способствовать ее духовному возрождению, которое предполагается открытым финалом сказки.

Список литературы

1. Кон И. С. Ребенок и общество: историко-этнографическая перспектива. М., 1988.
2. Липелис А. Сказка и реальный мир // Дет. лит. 1974. № 1 (97). С. 42–47.
3. Никифоров А. И. Сказка и сказочник. М., 2008.
4. Акимова А. Н. Мировая детская литература и субкультура детства // Детское чтение: феномен и традиция в конце XX столетия / под ред. В. В. Головина, Л. В. Степановой. СПб., 1999. Ч. I. С. 46–49.
5. 2 Цар 11:15; Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета (Синодальный перевод). М.: Российское библейское общество, 2013, 1 356 с.
6. Лаврина В. Л. Чудесные платья. Трюфелька. Сказки // Зерно слов: поэзия и проза преподавателей и студентов литературной студии «Лист» Кузбасского государственного технического университета. 2005. Вып. 3. С. 50–60.

Бурмистрова С. В., кандидат филологических наук, доцент.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская 60, Томск, Россия, 634061.
E-mail: t-svet2007@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 07.09.2015.

S. V. Burmistrova

BIBLICAL ALLUSIONS IN CONTEMPORARY CHILDREN'S LITERATURE (BASED ON THE FAIRY TALE BY V. L. LAVRINA "WONDERFUL DRESSES")

The article deals with the analysis of the peculiarities of biblical discourse in contemporary children's literature on the basis of works of Kemerovo writer V. L. Lavrina, considerable part of that is made by fairy-tales for children. The specifics of the literary fairy tale is determined both by the individual peculiarities of the author's view of the world and by the external factors set, including the codes of genre memory. The range of genre memory, characteristic for most fairy-tales of V. L. Lavrina, includes not only traditions of folklore and literary magic fairy-tale, but also christian literature. The spiritual and moral issues of the fairy-tale "Wonderful dress", coupled with the themes of love and betrayal, crime and punishment, sacrifice and selfishness, the real and the imaginary, are conceptualized in the context of the biblical allusion plan dating back to the Old Testament story of King David and Uriah.

Key words: children's literature, modern literary process, biblical discourse, allusion, motive, spiritual and moral issues, religious picture of the world, parable.

References

1. Kon I. S. *Rebenok i obshchestvo: istoriko-etnograficheskaya perspektiva* [Child and Society: history and ethnographic perspective]. Moscow, 1988. 256 p. (in Russian).
2. Lipelis A. *Skazka i realniy mir* [Tale and the real world]. *Detskoe chteniye – Children's reading*, 1974, no. 1 (97), pp. 42–47 (in Russian).
3. Nikiforov A. I. *Skazka i skazochnik* [Tale and storyteller]. Moscow, 2008. 320 p. (in Russian).
4. Akimova A. N. *Mirovaya detskaya literatura i detskaya subkultura* [World literature for children and childhood subculture]. *Detskoye chteniye: fenomen i traditsiya v kontse XX stoletiya* [Children's reading: the phenomenon of the tradition in the late XX century]. St. Petersburg, 1999. Part I. Pp. 46–49 (in Russian).
5. *2 Tsar 11:15; Bibliya: Knigi Svyashchennogo pisaniya Vekhogo i Novogo Zaveta (Sinodal'nyy perevod)* [Bible: Scriptures of the Old and New Testament (King James Version)]. Moscow, Rossiyskoye Bibleyskoye obshchestvo Publ., 2013. 1356 p.

6. Lavrina V. L. Chudesnye plat'ya. Tryufel'ka. Skazki [Wonderful dress. Tales]. *Zerno slov: poeziya i proza prepodavateley i studentov literaturnoy studii "List" Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Grain words: poetry and prose of teachers and students of literary studio "List" Kuzbass State Technical University]. 2005. Vol. 3. 173 p. (in Russian).

Burmistrova S. V.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: t-svet2007@yandex.ru